

Эффект

МОТЫЛЬКА

РОМАНЫ ВНЕ СЕРИИ:

Когда меня не стало
Девушка по вызову
Волчья ягода
Черное платье на десерт
Пикник на красной траве
Шоколадный паж
Миф Коко Банча
Этюд в розовых тонах
Защита адвоката (Плюшевый свидетель)
Услуги особого рода
Комната смеха
Японская молитва
Древний инстинкт
Женщина-ветер
Правда о первой ночи
Нирвана с привкусом яда
Дама из Амстердама
Игры с темным прошлым
Белоснежный лайнер в другую жизнь
Бронзовое облако
Хроники Розмари
Солнце в черном небе
День без любви
Печальная принцесса
Персиковый мед Матильды
Дождь тигровых орхидей
Сердце химеры
Алый шар луны
Девять жизней Греты
Шестой грех
Звезды-свидетели
Призраки знают все
За спиной — двери в ад
Любовница не по карману
Незнакомка до востребования
Тринадцатая гостья
Ведьма с зелеными глазами
Пленница чужих иллюзий
Девушка, не умеющая ненавидеть
Цветы предательства
Грех и немножко нежно
Если можешь — прости
Уставшая от любви
Плата за роль Джульетты
Одно преступное одиночество
Слезинка в янтаре
Проклятие Клеопатры
Сколько живут донжуаны
Любовь насмерть
Миллион для Коломбины
Неаполитанская кошка
Два лица Пьеро
Париж на час
Умри, богема!
Черная перепелка
Прости меня, твою убийцу
Звериный профиль
Тайна церковной мыши
Тени в холодных ивах

ЧАСТНЫЙ ДЕТЕКТИВ ЮЛИЯ ЗЕМЦОВА

1. Крылья страха
2. Выхожу тебя искать
3. Мне давно хотелось убить

4. Саван для блудниц
5. Рукопись, написанная кровью
6. Парик для дамы пик
7. Роспись по телу
8. Яд Фаберже
9. Мальтийский апельсин
10. Виртуальный муж
11. Цветы абсолютного зла
12. Страна кривого зазеркалья
13. Платиновая леда
14. Гламурная невинность
15. Свергнутая с небес
16. Властелин на час
17. Тайная любовь Копперфильда

СЛЕДОВАТЕЛЬ МАРК САДОВНИКОВ И МАРГАРИТА

1. Самый близкий демон
2. Первая жена Иуды
3. Delete
4. Ледяное ложе для брачной ночи
5. Подарок от злого сердца
6. Призрак Монро
7. Издержки богемной жизни
8. Вспомни обо мне
9. Красное на голубом
10. Госпожа Кофе
11. Черника на снегу
12. Черный пасодобль

АДВОКАТ ЕЛИЗАВЕТА ТРАВИНА

1. Одинокие ночи вдвоем
2. Смерть отключает телефон
3. Меня зовут Джейн
4. Витамин любви
5. Две линии судьбы
6. Когда остановится сердце
7. Аромат желаний
8. Красивая, богатая, мертвая
9. Пожиратели таланта
10. Серебряная пуля в сердце
11. Ангел в яблоневом саду
12. Из жизни жен и любовниц
13. Прекрасный возраст, чтобы умереть
14. Приговоренный к жизни
15. Признание грешницы
16. Дом на берегу ночи
17. Мишень для темного ангела
18. Убийство в соль минор

ЖЕНЯ БРОННИКОВА

1. Комната для трех девушек
2. По дороге в синий лес
3. Земляничное убийство
4. Во всем виноваты кувшинки
5. Мелодия убийства
6. Назначая тебя палачом
7. Три ступени до ада
8. Смертельные объятия
9. Золотая устрица
10. Лесная кукла
11. Декорации смерти
12. Маленький дорожный роман
13. Забытый дом
14. Крыло сойки
15. Первый выстрел

АННА
ДАНИЛОВА

ПЕРВЫЙ
ВЫСТРЕЛ

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д18

Редактор серии *А. Осминина*

Оформление серии *А. Зининой*

Данилова, Анна Васильевна.

Д18 Первый выстрел : [роман] / Анна Данилова. —
Москва : Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-237840-9

Герман Соловьев утверждает, что не убивал свою жену: да, он хотел с ней развестись, но не мог вытолкнуть ее из окна, Вероника прыгнула сама. На следующее утро на том же месте находят тело другой девушки, которая на первый взгляд никак не связана с Вероникой.

Женя Бронникова включается в расследование, но снова сталкивается с проблемами в семье. Неожиданно приезжает ее мать Вера, и поведение гостыи кажется Жене подозрительным. Теперь ей предстоит раскрыть не только преступление, но и семейные тайны.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-237840-9

© Текст, Дубчак А. В., 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

1. Сентябрь 2025 г.

Герман Соловьев

— Скажите, меня что, посадят? Уже утро, вы допрашиваете меня всю ночь, ну просто вывернули меня наизнанку, я вам всю жизнь свою рассказал, о себе, о Веронике... Вы сами-то не устали? Я уже сто раз рассказал вам, как все случилось. Это не я сбросил Вероничку, я не убивал ее. Зачем? Если бы все мужики, которые решили расстаться со своими женами, убивали бы их, число женщин на земном шаре значительно сократилось бы, вы не согласны?

И что вы теперь молчите? Пишете что-то там, потом заставите меня подписать... Говорю же, это не я. Это она сама. Она была девушкой впечатлительной, вот и не выдержала. Все произошло на эмоциях. Я просто сказал ей, что мы расстаемся, что я женюсь на ее сестре, что мы в отношениях со Светланой уже два года. Что нам надоело прятаться, но я тянул с разговором именно по той причине, что знал характер Вероники. Знал, что будет грандиозный скандал со слезами, истерикой. Но уж точно не мог предположить, что она выбросится из окна. Я вообще всегда подозревал, что ее истерики носят какой-то театральный характер. Она и сама рас-

сказывала мне, что мечтала стать актрисой, но что ей просто духу не хватило даже отнести документы в какой-нибудь театральный вуз. Она понимала, что не сможет быть на сцене, что она слишком закрытый человек, что сцена ее «проглотит». Да, она так и говорила. Что даже когда она училась в школе и пыталась просто постоять на школьной сцене в актовом зале, причем когда там никого не было, ее охватывало странное чувство, будто бы ей не хватает воздуха...

Да что вы там все пишете? Отпустите уже меня! Я не убивал свою жену. Повторяю, она сама выбросилась из окна. Знаете, у меня такое чувство, словно этим хотела создать мне проблемы, наказать меня, отомстить. Дура! Вот вы сами подумайте, гражданин следователь, зачем бы это я среди белого, что называется, дня взял да и выбросил свою жену в окно, как ненужную вещь, чтобы все видели и понимали, что я убийца? А если кто-то в доме напротив увидел бы меня, как я это проделываю? Как вы думаете, он сообщил бы в полицию? Думаю, что сообщил бы. И рассказал бы, что сам, своими глазами видел, как девушка распахнула окно, встала на подоконник и спрыгнула... Сама спрыгнула, понимаете? Я в это время был на кухне, как раз достал из холодильника бутылку водки, чтобы нам с ней, с Вероникой, выпить.

Я собирался ей сказать, что квартиру оставляю ей, хотя она моя, она досталась мне от моей бабушки, то есть я стал ее владельцем до брака. Но я готов был переписать ее на Веронику в качестве извинения, понимаете? Я же не зверь какой и не подлец.

Вот об этом я и собирался рассказать ей за водкой. Чтобы нам обоим не было так тяжело. Вообще-то она не пьет, говорит, что, когда выпьет, становится дура душой. Знаете, я вот сейчас говорю о ней, и у меня ком в горле, и хочется плакать. Я не могу поверить, что ее уже нет в живых. А это точно, что она умерла? Все-таки там палисадник, трава...

Когда его отпустили, он совсем растерялся. Он не понял сначала, что вообще происходит. Подумал, что его отпускают на время. Но потом до него дошел смысл сказанного следователем: произошло чудо, и в доме напротив один человек, куривший на балконе, получается свидетель, увидел момент самоубийства, подтвердил, что девушка в комнате была одна, что она сама поднялась на подоконник и спрыгнула... Что этот свидетель даже и слова не успел сказать, и крикнуть побоялся... Тоже испугался. А потом, когда приехала полиция, он спустился и все рассказал то ли следователю, то ли полицейскому.

Но больше всего его удивили и напрягли вопросы, которые совсем уж никак не были связаны со смертью Вероники. И это жуткое фото в телефоне, которое ему подсунул под нос следователь. Не человек, а Железный дровосек, сильный и бессердечный, привыкший не спать ночами и часами допрашивать подследственных. Может, он вообще робот? Не зря же задавал одни и те же вопросы...

На фото было лицо женщины с полуоткрытыми глазами. Женщина была красивая, но, похоже, мертвая.

— Кто это?

— Это я вас хотел спросить, — сказал следователь. — Труп этой женщины обнаружили сегодня рано утром на том же месте, где до этого лежало тело вашей жены.

— Она что, тоже выбросилась?! — От удивления у Германа перехватило дыхание. Да что это, черт возьми, происходит? Второй женский труп?

— Нет, ее зарезали. Быть может, вы все-таки вспомните ее? Это случайно не сестра Вероники, Светлана?

Вот в этот момент у Германа закружилась голова. Какая еще Светлана? Хотя да, откуда следователю знать, как выглядит сестра Вероники? Она, Светлана, светлая, у нее светло-русые волосы и голубые глаза. Светлана — полная противоположность Веронике, и это просто удивительно, что, познакомившись одновременно с двумя сестрами, он выбрал темненькую Веронику. А ведь мог бы с самого начала начать ухаживать за Светой. Но женившись на ней, наверняка приударил бы за Вероникой. Он и сам не мог понять, как это так случилось, что его тянуло сразу к двум сестрам? Должно быть, это проблема. Но какой же полной жизнью он жил, вот так раздваиваясь и живя, по сути, с двумя такими разными женщинами?

И как все будет теперь? Теперь, когда Вероника мертва? От этой мысли у него в области желудка словно перевернулся холодный и острый камень. Он вдруг с ужасом понял, что после всего, что случилось этой ночью, он уже не сможет встречаться со Светланой. Это же ясно! Она постоянно будет напо-

минать ему мертвую Веронику, ее неживые страшные глаза, кровь, вылившуюся из маленького белого уха... Нет-нет, он, быть может, даже не станет встречаться с ней. Совсем. Быстро соберется и уедет...

И тотчас обозвав себя идиотом, понял, что это невозможно, что Веронику придется хоронить и многие хлопоты придется делить со Светланой. А еще он подумал о том, что ведь и Света может предположить, что это он убил ее сестру...

Боже, какой же солнечный и теплый сентябрьский день! И люди вокруг него казались ему счастливыми, бодрыми, радостными, они все куда-то спешили, все жили своей жизнью, именно жили, двигались, говорили, смеялись, а вот он сможет ли когда-нибудь засмеяться? Не убила ли эта картинка с мертвой женой в нем саму жизнь?

Вот он всю ночь твердил следователю, что он не убивал жену. Но они оба понимали — убил. Это он виновен в ее смерти. Это из-за его измены она, не справившись с его предательством и своим отчаянием, выбросилась из окна. И он никогда больше не увидит ее живой, смеющейся, исчезнет из его памяти привычная картинка: вот Вероничка, живая и здоровая, с розовыми щечками, в халатике стоит на кухне у плиты и печет его любимые блинчики... Или, примостившись в кресле возле торшера, в его голубой сорочке, едва прикрывавшей ее белые гладкие колени, читает книгу... Или, сидя на табурете на балконе, с наслаждением курит тонкие коричневые сигаретки. Ей так это шло, она так изящно держала сигарету между вторым и средним пальцами. Паль-

цы у нее тонкие, длинные. Ей бы пианисткой быть с такими пальцами, а она стала архитектором, работала в архитектурном бюро.

...Светлана буквально налетела на него. Лицо в красных пятнах, нос распух. Ей позвонили и вызвали в следственный комитет. Они пересеклись и словно обожгли друг друга.

— Гера, это ты ее? — спросила она, страдальчески приподняв брови, словно заранее зная, что да, это он убил ее сестру.

— Ты дура, что ли? — Он схватил ее за руки, которыми она, к его удивлению, попыталась еще его и обнять. Да, обнять, причем успев предположить или даже принять, что он убийца. — Она сама. Я все ей рассказал, на чем ты, моя дорогая, кстати говоря, так долго настаивала, и она того... выбросилась... Я пошел за выпивкой, хотел рассказать ей про квартиру, что я переберусь к тебе, а ей оставлю эту...

— Мы с тобой свиньи, Гера, — проговорила Светлана, закрывая руками лицо, словно ей только что и стало стыдно. — Свиньи. Не знаю, как ты, но я себя никогда не прощу. Это конец, ты понимаешь? Конец всему!

— А я говорил тебе, чтобы все оставалось по-прежнему, она бы, может, никогда и не узнала. Но ты хотела замуж. Вы, женщины, всегда хотите замуж. Не надо, не надо мне ничего говорить, понимаю, что это правильно, вы, женщины, так запрограммированы... Вам надо детей рожать. Вот почему вам надо замуж, чтобы был муж, чтобы выжить в этом мире. Но...

Он так и не нашелся, что еще сказать.

— Ладно, я к следователю, как ты понял. Что мне там сказать?

— В смысле? Что ты имеешь в виду?

— Ну, чтобы мы говорили одно и то же...

— Правду, Света! Я ему все рассказал о нас. Врать не было никакого смысла.

— Но мне страшно, Гера. Я боюсь, что вообще не смогу проронить ни слова... Если ты ему все рассказал, то он будет смотреть на меня как на убийцу!

— Света... ничего не бойся. Иди, и пусть уже все поскорее закончится. Хотя постой... Надо бы тебя кое к чему подготовить... — Он сжал кулаки и как-то очень уж глубоко, тяжело вздохнул. — Он покажет тебе фотографию одной мертвой женщины.

— Вероники? — Она нахмурила свои аккуратные, словно нарисованные брови.

— Я бы так и сказал «Вероники». Нет, какой-то совсем незнакомой мне женщины. Ее труп обнаружили рано утром, представь только, на том же месте, где до этого лежала Ника...

— Она что, тоже выбросилась с десятого этажа?

— Почему именно с десятого и почему именно выбросилась?... Бред какой-то! Нет, ее зарезали, представляешь?

— Ничего не понимаю... Ладно, Гера, я пошла...

Светлана, в это утро непривычно растрепанная, в каком-то незнакомом ему плащике, несмотря на теплую погоду, развернулась на каблучках и быстрым шагом пошла к крыльцу следственного комитета.

Герман смотрел ей вслед со все чаще проявляющимся в нем чувством безгливости к этой жен-

щине. Оно, это чувство, и раньше проступало в нем в самые неподходящие, казалось бы, моменты, когда она при нем неуклюже раздевалась, сбрасывала или даже срывала с себя, демонстрируя явно фальшивую страсть, одежду, стягивала с упругим шуршанием колготки, расстегивала тугой лифчик, освобождая полную грудь с бледно-розовыми примятыми сосками. И было для Германа во всем этом что-то такое неприятное, болезненное, словно он собирался не овладеть этой женщиной, а убить ее...

Чтобы казаться стройнее и выше, она всегда приходила к нему на свидание в неудобных туфлях на высоких каблуках.

«Я уеду, и она сразу же сбросит туфли и перейдет на удобные кроссовки...», — с каким-то горьким отчаянием подумал Герман, достал сигареты и закурил.

2. Сентябрь 2025 г.

Женя

В сентябре неожиданно, как снег на голову, приехала мама Жени. Все четыре года, что Женя проживала в доме братьев Бориса и Петра Бронниковых сначала в роли домработницы, а потом и жены Бориса Бронникова, адвоката, они с мамой встречались крайне редко, да и перезванивались не так часто. Женя тянулась к матери, но мать, как-то сразу после замужества погрузившись в новую жизнь и родив молодому мужу двух детей, растворилась в нем, если и вовсе не потерялась. И то тепло, то ощущение близости матери к своей дочери куда-то

делось, мама отдалилась от нее, и Женя могла лишь предполагать, что связано это было с глубоким чувством вины матери перед ней, которая, встретив мужчину гораздо младше себя, все свое внимание, любовь и время направила сначала на мужа, а потом и на детей.

Известие о замужестве дочери мама встретила с радостью, ее словно отпустило, и она успокоилась, что дочь теперь пристроена, за нее можно не беспокоиться. Она поздравила Женю, но на свадьбу не приехала — дети заболели скарлатиной. Время от времени она звонила Жене, спрашивала, как дела, на вопросы дочери, как она сама, как семья, всегда отвечала, что все нормально, да и виделись редко. Но голос ее звучал всегда одинаково несчастливо, был бесцветным, как если бы она боялась выдать свое истинное состояние.

Вот почему для Жени тема своих отношений с матерью была болезненной. Так уж получилось, что мама как-то сразу от нее «отвязалась», свив гнездо новой семьи и нарожав детей во втором браке. И непонятно, почему Женя не испытывала к своим сводным маленьким братьям каких-то особых, родственных чувств. Быть может, потому что она редко их видела или же чувствовала, что муж матери держится откровенно холодно по отношению к Жене и не очень-то рад ее визитам? Но тогда почему же сама Женя испытывала чувство ответственности перед этими детьми и в свое время с легкостью согласилась пожертвовать своей долей в квартире, лишь бы им было хорошо? Или подсознательно хотела разделить эту самую ответственность вместе

с матерью, которую любила и которую считала существом слабым и ведомым?

Женя очень хорошо помнила тот период своей жизни, когда прежние хозяева дома, продав его братьям Бронниковым, получается, передали дом в их руки вместе с домработницей. Женя, которая знала и любила этот дом и почти что считала своим, оставшись без работы, не спешила его покидать. Да, она собралась, уложила свои вещи, но не уехала, а встретила новых хозяев на крыльце, сидя на чемодане, со слабой надеждой, что ее возьмут на работу. Надежда была слабой по очень простой причине — Женя не умела готовить. Прежняя хозяйка, ее родственница, троюродная сестра Марта, сама любила готовить, поэтому к этому недостатку своей помощницы (и родственницы, нуждавшейся в деньгах, чтобы оплачивать ипотеку) отнеслась совершенно спокойно, впрочем, как и ее муж, Гриша. Им было важно, чтобы в доме было чисто и сад содержался в порядке, кухней же занималась Марта. У нее была большая коллекция книг по кулинарии, и она так много готовила, что они не успевали это съесть.

Борис... Женя помнила их первую встречу с будущим мужем.

Борис Бронников, адвокат, высокий крепкий мужчина в свитере и джинсах, поднялся на крыльцо только что купленного им дома в сосновом бору и обнаружил сидящую на чемодане возле двери девицу странного вида, худую, испуганную, с вызывающей пестрой повязкой на голове, да еще и дерзкую, если не нахальную.

— Получается, что я купил вас вместе с домом?

— Хотите сказать, что вас не предупредили обо мне? — Она пошла напролом.

— Предупредили. Григорий так и сказал мне, что, мол, без Женечки ты не обойдешься и что она, то есть вы, — просто клад!

— Так-то оно так, да только известно ли вам, сколько я стою?

— Вы?

— Ну, то есть мои услуги. — Она почувствовала, что краснеет.

— Признаться, нет. Но, думаю, мы сговоримся.

— Думаете, со мной так легко можно о чем-то вообще договориться? — Она уже не могла остановиться.

— Что-то я не понял. Вы хотите здесь остаться и продолжать работать в этом доме? — Он начинал сердиться. — Или нет?

Она, помнится, заломила высокую цену. Как потом ей расскажет Петр, реакция его старшего брата на ее условия была просто ужасна, он вскипел:

— Слушай, Петя, я тебе сейчас такое скажу! Эта Евгения, прикинь, будет зарабатывать сотню тысяч рублей в месяц и при этом она совершенно не умеет готовить! Я попросил ее просто заварить чай и приготовить бутерброды, и знаешь, что она мне сказала? (Это был телефонный разговор.)

— Что?

— Она, прикинь, заявила мне, что готовить она не занималась!

— И что, ты ее прогнал?

— Нет. Подожду, когда ты приедешь, вот вместе все и решим.